

Алька. Двор моего детства

Алек Рейн

16+

Алек Рейн

Алька. Двор моего детства

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Рейн А. В.

Алька. Двор моего детства / А. В. Рейн — «ЛитРес: Самиздат»,
2018

Первая глава книги воспоминаний. Описание жизни мальчугана, родившегося через три года после окончания Великой Отечественной Войны, с трёх до восьми лет. Детали быта послевоенной Москвы. На фотографии, взятой из семейного альбома автора, герой повествования.

Наш дом стоял где-то в Текстильщиках у дороги, через поле от домов СДС, что на Саратовской улице в Москве. Это были единственные многоэтажные, аж четыре этажа, здания, в одном из этих домов жил мальчонка, ставший моим первым школьным другом и спасший мне жизнь.

Все остальные близлежащие строения были в основном дощатыми деревянными бараками. Домик, в котором мы обитали, хоть и не дотягивал по красоте, комфорту и этажности до домов СДС, но тоже был кирпичным. Располагался он в метрах пятнадцати от довольно оживлённой дороги, название которой в памяти у меня не отложилось, да я, видно, этим никогда и не интересовался, поскольку прожил в этом там всего восемь лет, с момента рождения до середины второго класса. Со стороны дороги был небольшой палисадничек, огороженный метровым штакетником, с противоположной – двор, пространство которого занимали столбы, между которыми были натянуты верёвки для сушки белья, через двор, напротив нашего дома, были сараи жильцов дома. Вход располагался со стороны двора, дом был двухподъездным.

Планировка этажей была сугубо барачной – не путать с барочной, отнюдь: длинный коридор и двери в комнаты с обеих сторон; в торце коридора, недалеко от входа в наше жилище, находилась большая общая кухня, там было несколько раковин, стояли столы с керосинками, рядом с кухней располагались уборные, я бы даже с гордостью сказал «ватерклозеты», две или три кабинки.

В доме было паровое отопление, топили жарко, вход в котельную был как раз из нашего подъезда. Кочегаром работала женщина невысокого роста и непонятного возраста, зимой и летом она была одета в телогрейку и ватные штаны. Мы с приятелем любили заглядывать в котельную и, убедившись, что истопница отсутствует, спускались вниз, открывали топку и подолгу глядели, как горит уголь в топке, за что нам, бывало, прилетало, если нас заставляли на месте преступления. Правда, до рукоприкладства дело не доходило, всё обходилось доброй матерщиной с обязательным обещанием поотрывать нам ху...шки с демонстрацией своих намерений, поэтому мы старались при её появлении улизнуть предельно незаметно, мало ли чего. Истопница появлялась в котельной ближе к вечеру, уходила рано утром. Свет в котельную попадал через тусклое запylённое окошко под самым потолком, причём она обычно выключала единственную лампочку. Иногда мы потихонечку пробирались в топочную, так чтобы не скрипнула дверь, и наблюдали, как она забрасывает уголь в печь, сидит отдыхает или спит, свернувшись клубком, прямо на куче угля. Один раз, проснувшись, она встала, стянула с себя штаны, повернулась лицом к окошку и полезла на кучу угля повыше, там развернулась и села писать. Мне показалось, что она нас видела и наблюдала за нашей реакцией. Мы замерли, не дыша, и, хотя в темноте видели только какие-то смутные очертания фигуры, дыхание у нас прихватило, и мы потихонечку, на цыпочках и не дыша, стараясь не скрипнуть дверь, уползли из котельной.

В отличие от большинства жильцов, проживавших семьями в комнатухах (некоторые семьи имели в пользовании по две комнаты, но таких было немного), у нас было три комнаты и чулан, то есть фактически небольшая квартира. Войдя в наше жилище, ты попадал на кухню, у входа справа была вешалка для верхней одежды, а слева располагалась большая печь с плитой, которую топили раз в неделю, на ней грели воду для банных процедур, мыли нас с сестрой. На плите стояла керосинка, на которой готовили мама или бабушка, они не пользовались общей кухней, управлялись всегда дома. У окошка стоял маленький столик, стулья. Из кухни была дверь в проходную комнату, в которой жили я, мама и сестра, там стояло две кровати и древнейший шкаф, бабуля называла его шифоньером, больше никакой мебели не помню, возможно она и была. Вторая дверь, которая располагалась напротив входа в нашу комнатёнку, вела в комнату бабули. Мне запомнились в её комнате кровать, небольшой диванчик-оттоманка, этажерка с книгами, стул и маленький самодельный столик, на котором стоял музыкальный инструмент, бабуля называла его кантеле. Инструмент этот до сих пор хранится

в нашей семье, точное его название – американская оригинальная гитара-цитра, бабуля любила по вечерам играть на ней, просовывала под струны листочек с нотами и что-то довольно мелодично наигрывала. Днём она частенько сидела за столиком и писала книгу воспоминаний.

Мою бабуся, благодаря дореволюционным заслугам которой мы расселились в двух комнатах с кухней и чуланом, звали Герминой Фрицевной, была она латышкой, профессиональной революционеркой-большевичкой, с дореволюционным стажем, участвовала вместе с дедом в организации вооружённого восстания в Русне в Латвии в 1905-м, за что отсидела три года на царской каторге.

В комнате бабушки была дверь, которая вела в небольшой, но очень интересный чулан. Собственно, интересен был не сам чулан, чулан как чулан, просто небольшая комнатёнка, набитая каким-то старым пыльным хламом, а место его расположения и наличия в нём небольшого балкона. В стене чулана напротив входа были большое окно и застеклённая дверь, выходящая на малюсенький балкончик, который нависал над лестничным маршем, ведущим на второй этаж, то есть балкончик выходил не на улицу, а внутрь дома. Когда бабушки не было дома, я любил выбраться на этот балкончик и пошкродничать над своими приятелями, возвращающимися с прогулки.

Размышляя впоследствии над странной планировкой нашего двухэтажного барака или строения, я пришёл к мысли, что это был морозовский барак для рабочих и мастеров, а мы как раз жили в комнате мастера. Если принять эту гипотезу – становится понятным наличие балкона, выходящего на лестничный пролёт: он служил для наблюдения за состоянием рабочих, отправляющихся на работы и за их поведением во внеслужебное время.

Как-то раз ранней весной мы, как обычно, своей дворовой компанией тусовались во дворе, было прохладно, и приходилось устраивать для согрева какие-то подвижные игры. Обратили внимание, что взрослые куда-то делись – обычно кто-нибудь да и пройдёт по делам, заодно дав кому-нибудь из нас по шапке, чтоб не шумели. Для прояснения ситуации пошли в палисадник, который примыкал к дороге, и увидели странную картину. В направлении центра бежали или торопливо шли люди, в основном взрослые, все с какими-то озабоченными, расстроенными лицами. Они двигались не организованной колонной, как ходят на демонстрации, а толпой, каждый был сам по себе, но было их непривычно много. Мы взгромоздились на штaketник, а было нас, малышей, человек шесть в возрасте от четырёх до семи лет, на нижний продольный брус и стали дружно кричать: «Что случилось, что случилось?» И один из пробежавших мужчин сказал: «Вы что, не знаете? Сталин умер».

Вечером, когда мама пришла с работы, она долго о чём-то беседовала с бабушкой, что бывало нечасто, они явно недолюбливали друг друга. Как мне запомнилось из их разговора, они размышляли – будет ли война.

Двор наш был не заасфальтирован, почва была песчаной, но после сильного дождя местами лужи, тем не менее, были. Одним осенним вечером, когда наша шайка традиционно бузотёрила во дворе, явился домой в хлам пьяный сосед с нижнего этажа, мужик незлобивый, но сильно пьющий. До двора-то он добрёл, но во дворе, поскольку мозг решил, что главная задача выполнена, автопилот отключился, и он рухнул прямо в одну из не самых мелких луж. Свалившись туда, он безуспешно стал пытаться выбраться. Глядя на него, наш лидер, крупная деваха лет восьми, сказала: дядю Колю (точно имени его не помню, пусть будет дядя Коля) надо спасать – утонет. Мы облепили его и стали пытаться поднять, что оказалось задачей для нас непосильной, но на бок помогли ему перевернуться. Тут то ли от нашей возни, то ли от того, что физиономия изрядно прополоскалась в луже, дядя Коля стал пытаться принять снова вертикальное положение, и это у него, не без нашей посильной помощи, произошло. В общем, необходимые пять или семь метров до двери подъезда он добрёл. Здесь, опершись плечом о дверной косяк, дядя Коля пьяно пробормотал, промычал прочувственную речь о том, какие мы молодцы, а потом, достав из кармана кошелек, извлёк из него большой дореформенный

рубль и выдал нашему вожаку. Это были первые деньги, которые каждый из нас заработал в своей жизни. У дороги, с фасадной стороны нашего дома, недалеко от палисадника была палатка, торгующая мороженым, мы побежали туда, купили молочное мороженое за девяносто восемь копеек, а потом по очереди лизали его, а наша старшая следила, чтобы всё было честно, чтоб каждый лизнул не больше остальных. Как было вкусно, мне кажется, что это было первое мороженое в моей жизни. Изгваздались мы, спасая дядю Колю, всем нам дома попало основательно.

В возрасте лет трёх или чуть меньше произошла со мной одна грустная история, запомнилась она мне потому, что я получил тогда изрядную взбучку, я думаю, что это вообще моё самое раннее детское воспоминание. Мама моя, младший медицинский работник, знала симптомы большого числа болезней и постоянно обнаруживала их у себя или у нас. При малейшем подозрении на какую-либо хворь первым делом мне ставили градусник. И вот маманя поставила мне градусник, а сама отвлеклась на какие-то домашние дела. Я сначала сидел спокойно, дожидаясь, когда закончится эта процедура, а потом достал градусник из-под мышки и стал его разглядывать. Особенно меня заинтересовала та часть градусника, где он сужается и в конце этого сужения имеется внутри какая-то маленькая полость, в которой есть что-то тёмно-серого цвета. Так как открутить кончик не удалось, я его взял и откусил, однако, ощутив во рту битое стекло и каплю какой-то безвкусной дряни, я понял, что был неправ, и выплюнул всё это. Тут ко мне подошла мамуля и обнаружила, что градусник находится у меня не под мышкой, а в руке. Забрав его и увидев, что конец отломан, она спросила: «Где он?» По её тону было понятно, что сейчас мой зад будет в огне, я струхнул и решил: лучше сказать, что я его проглотил, тогда маме меня станет жалко и я меньше получу трюндюлей, но всё пошло не так. Услышав, что этот придурок испортил градусник, да ещё вдобавок проглотил то, что не следует, мама подняла меня за одну руку, отнесла ко входной двери, открыла её, поставила на пол и закрыла дверь. Дело было зимой, я стоял у двери в коридоре нашего полубарака босиком, в трусиках и майке, было не шибко жарко, если не сказать, что изрядно холодно, я замёрз, стоял трясся от холода, страха и неопределённости, но громко реветь боялся, понимая, что мне могут ещё и ввалить, поэтому ныл, скулил потихонечку, скрючившись, как паршивый, никому не нужный щенок, выброшенный зимой на улицу за ненадобность. В таком виде и обнаружила меня, посиневшего от холода, баба Дуся, наша соседка, жившая напротив, добрейшая женщина, очень дружившая с мамой и постоянно ей помогавшая. Увидев моё бедственное положение, она подхватила меня на руки; прижав к себе, прикрыла полый кофты и спросила: «Ты что здесь делаешь?» Я говорю: «Меня мама выгнала, я градусник разбил». Баба Дуся распахнула дверь, вошла на кухню обратилась к моей матери: «Надька-сука, ты если над парнем будешь изгаляться, я у тебя его через милицию отберу». Дальше она произнесла длинную речь, в которой, кроме матерных слов, были только предлоги, поэтому я её не запомнил. Мама уже явно успокоилась, они ещё перекинулись парой слов, потом меня взяли поперёк тощего пуза, многократно промыли мне рот и уложили спать. Спасибо тебе, баба Дуся, на всю жизнь запомнил я твои большие тёплые руки.

Собрались мы как-то поиграть в казаков-разбойников, причём одни ребята, девок отмени, сказали: нечего вам с нами, тут всё серьёзно, по-пацански. Ну, собственно, сказали-то не мы, а наш лидер. Жил он тоже на втором этаже, звали его, если не изменяет память, Витёк, лет десяти-одиннадцати, ходил в красивой двухцветной курточке, вся остальная ребятня одевалась как-то неказисто, хотя тогда на это мало кто из нас внимание обращал. Так вот, выдвинулись мы в направлении ближайшего сквера, лидер, как полагается, впереди, мы сзади, и тут рядом с дорожкой случайно обнаружили дохлую крысу. Это была отличная крыса: лоснящаяся шкурка, розовый хвост и никаких признаков тления, как и никаких признаков жизни. Такая классная находка сразу поменяла планы Витька: он взял крысу за хвост, развернулся, и мы пошкандыбали в сторону длинного дощатого барака, стоящего на краю микрорайона, состоя-

щего из нескольких таких же одноэтажных деревянных бараков, к которым вплотную примыкали наши деревянные сараи. Жильцам барака категорически не нравилось, когда посторонние использовали сквозной коридор их жилища в качестве проходной улицы, но Витёк повёл нас сквозь барак, подчёркивая таким выбором маршрута, что он крут и ему пофиг на любых орущих тёток. Нам повезло, коридор оказался пуст, и мы гордо проследовали по нему без приключений. За баракom Витёк остановился, внимательно посмотрел на нас, собравшихся вокруг, протянул мне крысу и, кивнув в направлении открытой двери барака, сказал: «Видишь кастрюлю?» Я поглядел и увидел где-то в середине коридора кастрюльку, стоявшую на керосинке у одной из барачных дверей. «Иди положи». Я взял крысу за хвост и пошёл. Я шёл, немного втянув голову в плечи, понимая в свои четыре года, что делаю что-то совсем неправильное, но отказаться я не мог: сам Витёк дал мне такое задание, и все пацаны, я знал, чувствовал спиной, с уважением к моей храбрости глядели мне вслед. Дойдя до табуретки, на которой стояла керосинка, я приподнял крышку кастрюли, не чувствуя от нерва того, что крышка горяча, аккуратно положил крысу, опустил крышку и пошёл к пацанам. На выходе я оглянулся – коридор был пуст.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.